



Большинство крупных российских городов переживают эпоху нестабильности. Их «ткань» стремительно перерождается, изменения «каркаса» отстают. Если процессы изменения «каркаса» и «ткани» идут параллельно, город теряет историческую память. Высказана гипотеза, что генетическая градостроительная цепочка была устойчивой, пока город был «каменным» до начала XXI века. Города, сохранившие застройку прошлых веков в исторической части и развивающиеся на свободных территориях, обладают большим культурным потенциалом. Ключевые слова: Градостроительная «генетическая связь», «каменный» город, пассаизм, «каркас», «ткань», высотные здания, историческая городская среда. /

Most big cities in Russia are going through the epoch of instability. While their “fabric” is rapidly transforming, the changes in the “framework” lag behind. If the changes in the “framework” and the “fabric” happen simultaneously, the city loses its historical memory. It is supposed that a genetic town-planning chain was firmer until the 21st century, while the city remained “stone”. The cities that maintain the buildings from the past centuries in the historical part and develop in vacant areas have a greater cultural potential.

Keywords: town-planning “genetic links”; “stone” city; passeism; “framework”; “fabric”; high-rise buildings: historical urban environment.

О генетических связях, пассаизме и «каменном» городе / On genetic links, passeism and a “stone” city

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

May you live in interesting times.

Английская поговорка

Живите в доме, и не рухнет дом.

Арсений Тарковский

Звенья длинной цепи поколений обыкновенно прочно сцеплены, но иногда распадаются, и тогда новые звенья не входят в «отверстия» предыдущих. Старая цепочка заканчивается, и зарождается новая. Революционные поколения меняют и образ жизни, и пространственное окружение. Об этом у Шекспира: «Распалась связь времен <...>» (Time Out of Joint) [1].

Откуда пошла поговорка «не дай вам Бог жить в эпоху перемен», доподлинно неизвестно. Англичане ссылались на китайцев, прочие поверили англичанам, и поговорка стала считаться китайской. А китайцы говорят: «Лучше быть собакой в спокойные годы, чем человеком в период хаоса» [2]. Уже четыре поколения россиян (и не только россиян) живет в «интересное время». Пятому поколению мир их прабабушек будет чужим.

Если нет революционных потрясений, социальных или технологических, города меняются медленно, сохраняя материальные свидетельства прошлого. XX век – век войн, социальных и технологических революций. Города в этих условиях плавно меняться не могли. Одни за короткое время утратили историческую застройку, другие остались такими, какими их знали наши прапрадеды в XIX веке, но эти города умирают. Оживить их может, к примеру, туризм или люди, которые работают удаленно. Города, сохранившие историческую застройку и развивающиеся на свободных территориях, представляются более благополучными. Понятно, что сохранение градостроительных структур прошлого напрямую зависит от системы ценностей общества, экономики, уровня образования et cetera.

У Корнея Чуковского в сказке «Доктор Айболит» есть странное существо Тянитолкай – животное с двумя головами, которые смотрят в противоположные стороны. Головам нужно каждый раз договариваться, в какую сторону двигаться, и какая из голов будет на этот раз главной. Временами это существо подолгу стоит на месте,

пока головы спорят. Градостроительный «Тянитолкай» все чаще игнорирует желание консервативной головы сохранять и реставрировать и действует по желанию другой: принимает решение сносить старое и строить новое. В последнее время он редко стоит на месте и думает. В результате историческая застройка исчезает.

Большинство крупных российских городов сегодня переживает эпоху хаоса. На обломках градостроительных структур прошлого рождается новый тип города. Отсюда транспортные коллапсы, дисбаланс плотности населения, изменение центров притяжения, разрушение традиционных улиц, исчезновение привычных городских силуэтов и прочие процессы, которые осознаются как негативные. Типичная эпоха перемен.

В свое время А. Э. Гутнов и И. Г. Лежава предложили дифференцировать все многообразие элементов, составляющих пространственную систему города, по степени изменчивости и разделить их на три группы: «каркас», «ткань», и «плазму». «Каркас» – долгоживущие элементы, «плазма» – легкозаменяемые гибкие элементы, «ткань» – промежуточная зона между каркасом и плазмой. «Каркас», «ткань» и «плазма» понимались как материальные элементы градостроительной системы [3, с. 90–126]. «Сроки жизни каркаса определяют сроки существования системы в целом. Рост «каркаса» или его значительная трансформация означают фактически создание новой системы. Но «каркас», как правило, очень устойчив. «Ткань» может быть подвергнута существенным изменениям или даже полностью заменена в процессе развития системы. Наконец «плазма» может сменяться как угодно часто <...>» [3, с. 90].

Генетическая связь города с прошлым ощущается, пока «каркас» остается неизменным и хотя бы фрагментарно сохраняются традиционные улицы с малозаженной застройкой и исторические высотные доминанты.

Хаос наступает, когда «ткань» стремительно перерождается, а «каркас» остается неизменным. Замена «ткани» в крупных городах России идет сегодня с существенным повышением плотности застройки, плотности населения и этажности, особенно в Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге. Каркас в исторической части остается практически неизменным.

^ Рис. 1. Москва-Сити

v Рис. 2. Тянитолкай
> Рис. 3. Вид с Миланского собора



Екатеринбург не относится к городам-долгожителям. За свои неполные триста лет он кардинально менялся несколько раз, но такого хаоса, как в начале XXI века, город не переживал ни разу за свою историю. «Это не мой город», – сказала однажды моя мама о Екатеринбурге, в котором прожила почти всю жизнь, когда я везла ее по улицам со знакомыми названиями. Все дома, которые некогда стояли здесь, исчезли. На их месте высились стеклянно-бетонные новостройки, превратившие улицы в узкие тоннели, забитые автомобилями.

К лучшему ли менялся город? Пока богател и рос в XIX веке, можно сказать, что к лучшему. Но с его ростом изменился природный ландшафт. Были вырублены уникальные сосновые и кедровые леса, появились искусственные пруды, исчезли некоторые горы, на месте озер образовались болота.

Когда в 30-х годах XX века взорвали множество храмов и купеческих особняков и построили то, что называют ныне шедеврами конструктивизма, не всех эти перемены порадовали. Для тех, кто фанатично уверовал в светлое коммунистическое будущее, взрывы соборов, новостройки и новые промышленные гиганты были символом обновления и лучшей жизни. Для остальных? А кто их спрашивал?

В ту пору генетические связи города с прошлым полностью разрушить не удалось: помешала ограниченность ресурсов. Но цепочка преемственности была надорвана. В тридцатые-пятидесятые годы планировали создать ряд классицистических ансамблей, но не все планы были осуществлены.

В центре Екатеринбурга на стенах домов в последнее время можно видеть граффити: «Верните мне мой XIX век». Поздно, уже не вернуть. В 1960-е – 1980-е генетическая связь с городом XIX века еще существовала. Окончательно она была порвана в XXI веке, и на фрагментах старых градостроительных структур возник новый город.

Процессы, которые происходили в других городах в советское время, аналогичны. Исключения есть, но их немного. Испытания XX века центральная часть Петербурга с большими потерями выдержала; его ансамблевый градостроительный каркас крепок до сих пор. Во многих городах постсоветского пространства истори-

ческие ансамбли еще существуют. Но высотная фоновая застройка существенно меняет их пространственное окружение, нарушая целостность, которая складывалась в течение длительного времени.

В новой столице Казахстана Нур-Султане, казалось бы, должны были возникнуть ансамбли. Но этого не случилось. Нур-Султан похож на парк аттракционов, несмотря на все усилия архитекторов.

Само слово «ансамбль» не употребляется при описаниях новой застройки. Исчезновение понятия из профессионального лексикона симптоматично.

Что же мы наблюдаем? Высотные здания отнимают небо у старых дворцов, соборов, особняков и агрессивно вторгаются в привычные городские силуэты. Природа их такова, что они не могут существовать в одиночку. Соборы – могли. Рядом с одним высотным зданием неизбежно появляются ему подобные. Об одиночных в народе говорят: «палец в небо». Попасть пальцем в небо, как известно, означает сильно ошибиться в чем-либо.

Разрешение построить один небоскреб там, где его силуэт будет вторгаться в систему исторических высотных доминант – градостроительная ошибка. Так было с Охта-центром в Петербурге. Горожане отстаивали право Петропавловского собора царствовать в историческом силуэте города. Небоскреб построили в другом месте.

В Москве иначе. «Компания» высотных зданий «Москва-Сити» занимает значимое место в силуэте центра, соревнуясь с группой «сталинских высоток». Пока «смена власти» в городских силуэтах Москвы еще не произошла, но война уже объявлена, и идет одна атака за другой: город растет ввысь, повторяя судьбу многих больших городов, потерявших исторические силуэты.

Замечено, что новые доминанты более агрессивны, чем прежние. И если высота собора – признание власти Бога и мольба к Всевышнему, то высота стеклянных гигантов – символ власти «золотого тельца», аттракцион, соревнование.

Даже в компании себе подобных небоскребы остаются замкнутыми. «Петь в ансамбле» они не способны, только перебивать друг друга. Высотные здания – индивидуалисты. Они отрывают человека от земли, не предлагая на самом деле ничего, кроме вида на окрестности. Вид

в Рис. 4. Улица Горького, Екатеринбург.
 Разновременная застройка

> Рис. 5. Усадьба Терентия Рязанова, Екатеринбург.
 Арх. М. П. Малахов и К. Г. Турской, 1820

с высоты быстро становится обыденным, а головная боль, вызванная колебаниями конструкции – ежедневной. Пожарная безопасность в таких зданиях тоже сомнительна.

В последнее время так сложилось, что когда говорят о градостроительстве, имеют в виду художественную составляющую города, а когда об урбанистике – утилитарную. Урбанисты, как принято считать, заботятся о комфортной городской среде, временами забывая о том, что комфорт – это не только система обслуживания, скамейки, урны, велосипедные дорожки, мощные тротуары и газоны; не только качели и песочницы на старых площадях рядом с памятниками великим деятелям прошлого. История противопоставления утилитарного и художественного очень давняя.

Книга Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства», написанная в конце XIX века, начинается так: «Сегодня дискуссии о системах градостроительной планировки принадлежат к числу самых жгучих. Как всегда, мнения расходятся, нередко они до-

ходят до крайних противоположностей. В общем можно отметить признание технических достижений в области транспорта, удачного использования застраиваемой территории и особенно в области улучшения гигиены. Наряду с этим неудачные современные градостроительно-художественные решения вызывают пренебрежение и даже насмешки. Однако это закономерно, так как в техническом отношении достигнуто много, а в художественном – почти ничего. В большинстве случаев великолепные новые монументальные постройки никак не увязываются с разбивкой окружающей территории и неудачной конфигурацией площадей» [4, с. 32]. Эти слова можно сказать и сегодня по отношению к современным городам, переживающим то ли ревитализацию, то ли реновацию...

Стеклянная высотная поросль, как сорняки на полях, появляется в городах, которым противопоказана высотная застройка в исторической части. В отличие от сорняков выполоть ее будет невозможно. Иркутским архитекторам пока удается сдерживать аппетиты застройщиков. Несомненной удачей является реконструкция деревянного 130 квартала. Проект «Иркутские кварталы», предусматривающий сохранение большого массива деревянных домов и исторических высотных доминант в центре Иркутска, несмотря на административные препоны и противодействие крупных застройщиков, реализуется. Город, таким образом, сохранит генетическую связь с прошлым.

В исторической части Екатеринбурга рядом с городским прудом уже выросли стеклянные громады. Одиноким пока пятидесятиэтажный небоскреб «Высокий» подобен Гулливеру в стране лилипутов. Понятно, что со временем большая часть лилипутов исчезнет, и рядом будут построены другие стеклянные высотные сооружения.

В профессиональной среде призывы сохранить, сбегать, отстоять, восстановить раздаются со всех сторон. Архитектурные журналы заполнены гравюрами и фотографиями построек прошлого. Может быть, профессиональное сообщество инфицировано вирусом пассаизма, которым было заражено искусство начала XX века? Болеющие этой аристократической болезнью только в минувшем видят шедевры и равнодушно-враждебно относятся к настоящему и будущему.

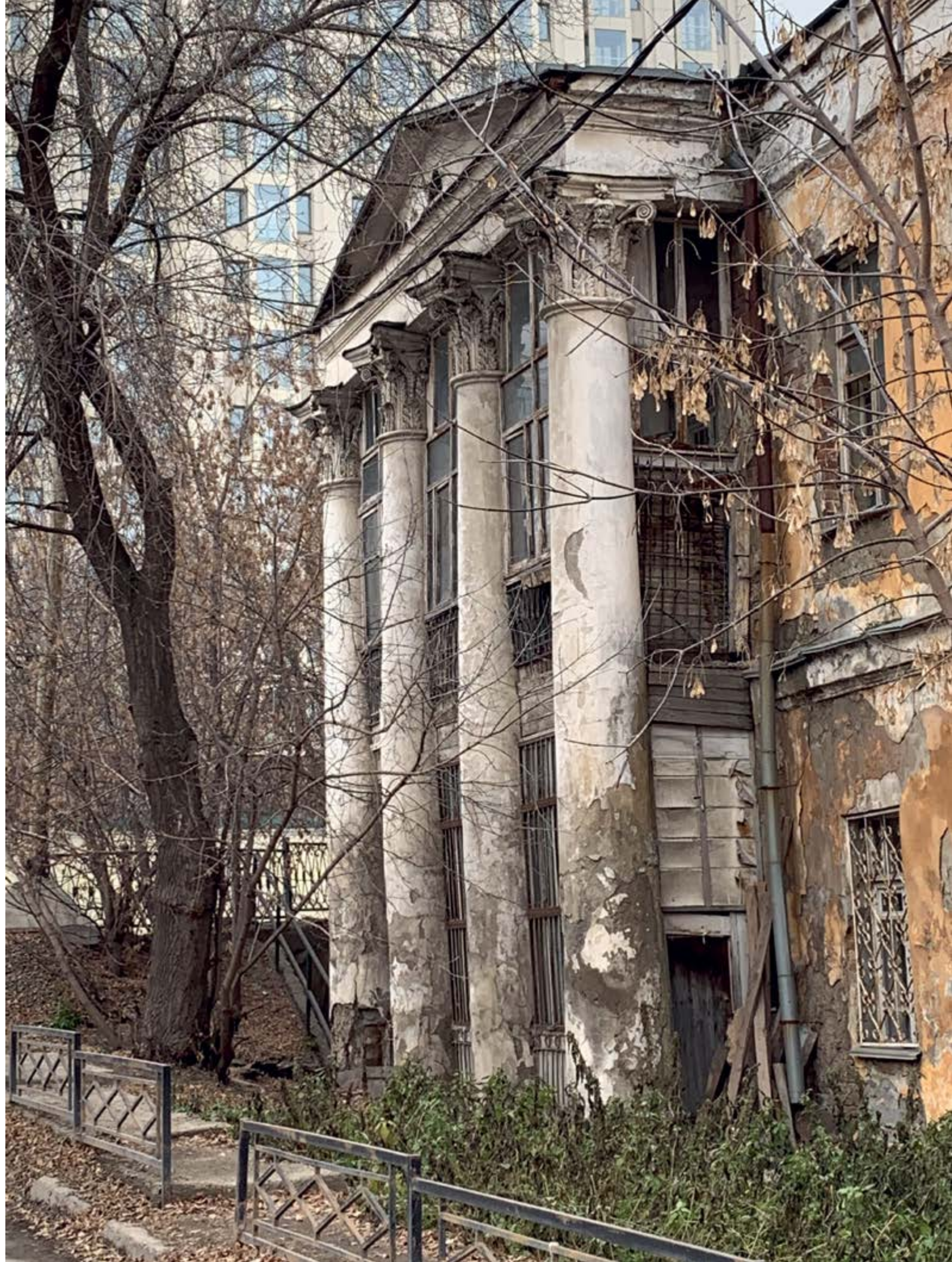
В начале XX века Александр Бенуа ввел в искусствоведение понятие «пассаизм» – страстное желание вернуть к жизни прошлое, «воскресить» его [5]. Пассаизм родственен консерватизму, без которого длинная цепочка наследования культурных ценностей рвется. Он в определенной пропорции свойствен архитектуре любой эпохи. Даже у Корбюзье находят отголоски ордерной архитектуры, есть мотивы Древнего Египта в творчестве Гинзбурга и Леонидова конца 30-х годов XX века [6].

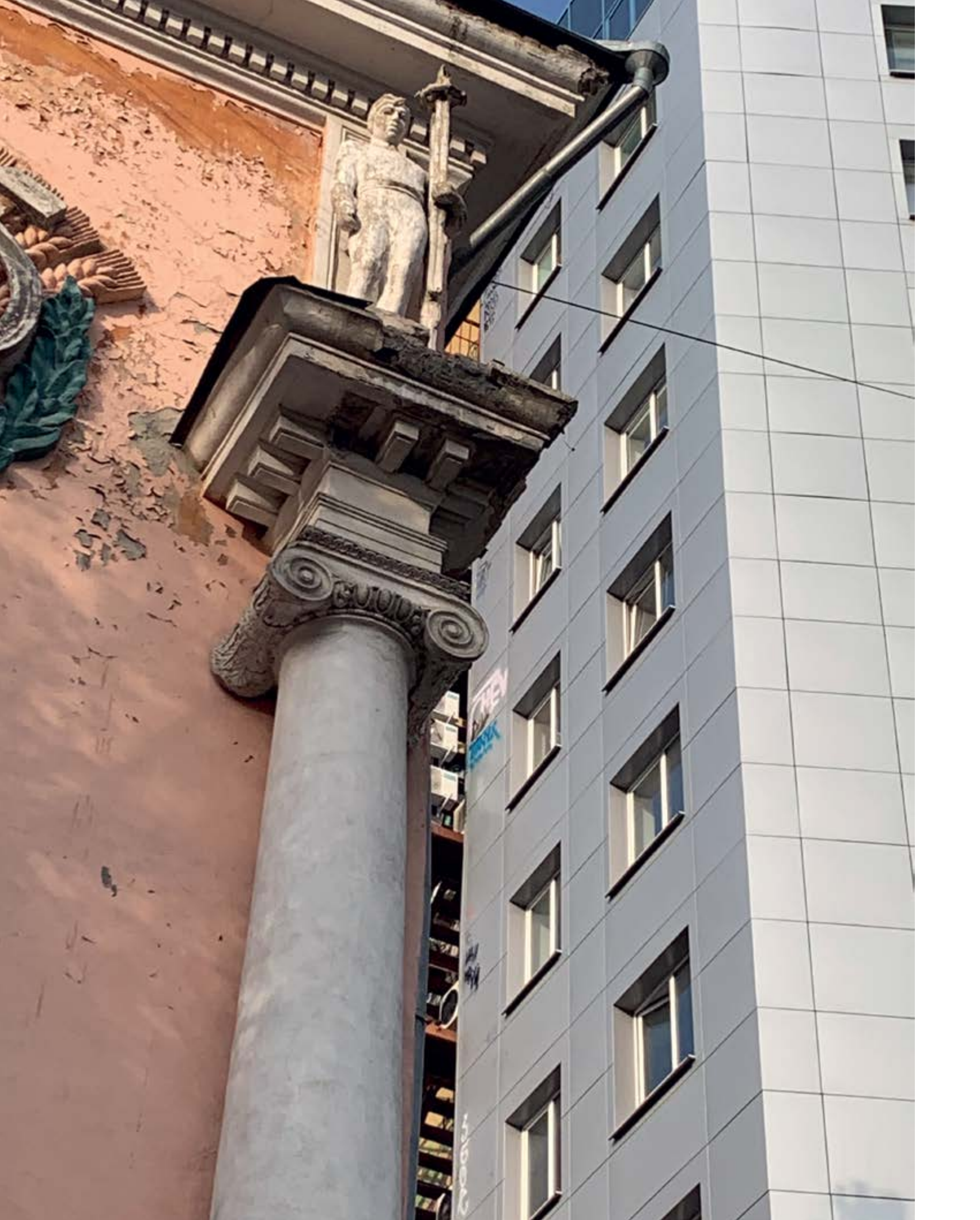
Многие сегодня испытывают горькое чувство утраты, когда сносят старые дома. Но ведь так было не всегда. К старым постройкам относились весьма прагматично и радовались, когда строилось новое. Когда в силуэте города появлялась новая высотная доминанта, это было предметом гордости горожан.

Лишь в начале XIX века стали задумываться о реставрации и сохранении памятников прошлого. Но реставрировать и сохранять хотели только шедевры. Не эта ли тенденция в общественном сознании породила историзм (эклетику) XIX века?

То, что впоследствии было названо рядовой застройкой, сносилось и перестраивалось без слез и сожалений. Сегодня каждый старый дом воспринимается как ценность вне зависимости от его архитектурных достоинств и состояния. Руинированные останки, прикрытые баннерами, вызывают чувство грусти и ностальгию по «старым добрым временам». Власти, очарованные идеей создания







«комфортной безбарьерной среды» и количеством квадратных метров в новостройках, искренне не понимают, почему люди хотят сохранить «эти гнилушки».

Может быть те, кто принимает решение о сносе – варвары? Думают только об экономической стороне дела и собственной выгоде? Мне кажется, дело намного сложнее.

О построенном в конце XX – начале XXI века лестно не отзываюся ни архитекторы, ни горожане. Особенно много нареканий получают многоэтажные жилые дома, которые иначе как «человейниками» не называют. И получается, что красивой, уютной, теплой большинству горожан представляется историческая застройка. Власти же озабочены утилитарной стороной дела.

Приспосабливать к потребностям современной жизни то, что было построено в прошлом, очень проблематично. Сохранить старую функцию для двух-трехэтажных домов XIX века почти невозможно. Музеи, кафе, офисы в старинных особняках постепенно изменяют их. Сначала изнутри, потом и снаружи. Музеефикация омертвляет. Гетерохронные коллажи, так ныне популярные, редко выглядят удачно.

Оставлять прежнюю функцию исторических строений удается крайне редко. И в то же время историческая городская среда, если она сохраняется и превращается в заповедник, очень привлекательна. Такие заповедники необходимы городу как больницы, дома отдыха и санатории. Утрата их означает фиксацию окончательного разрыва в цепи поколений. Осознание этого разрыва подобно переживанию, связанным со смертью родителей. Сами собой такие «заповедники» складываются редко. Не всегда удается так перестроить транспортную систему города, чтобы уменьшить нагрузку на районы с исторической застройкой. Ограничение высотности новых зданий, неизбежно появляющихся на исторических территориях – проблема, требующая изменений в градостроительном кодексе и так далее, и так далее, и так далее. Немаловажным является и вопрос о стилистике новых зданий. «Проектирование в исторических стилях» представляется тупиком.

Сносили старое и строили новое на том же месте всегда. Кто бы осмелился сегодня назвать варваром Василия Баженова, если бы он построил Большой Кремлевский дворец? Мы бы восхищались этим дворцом, и историки рассказывали бы нам, что было некогда на его месте. Вряд ли кто-то бы сильно сожалел о снесенных постройках.

Чтобы построить дом на Моховой по проекту Жолтовского, пришлось снести несколько исторических сооружений. Назвать Жолтовского варваром осмелится разве только Дмитрий Хмельницкий. Кстати, когда Жолтовского спросили, какие дома в Москве можно снести без ущерба для художественного облика города, он назвал достаточно много объектов XIX века, которые, по его мнению, были недостаточно гармоничны. За эти слова его сейчас некоторые осуждают: как мог такое сказать тонкий ценитель классической архитектуры? Да потому и мог, что был ценителем Классической Архитектуры, а все что, не укладывалось в его представления о Классике, ценности для него не имело.

Можно предположить, что причина возникновения разрыва между старой и новой застройкой – не только высотность и принципиальный отказ от классических принципов построения ансамблей, но еще и резкая смена материалов и фактур. Камень и дерево – материалы, рожденные планетой, сменились искусственными, гомогенными – стеклом, металлом, пластмассой. Но в сознании людей Архитектура – «вещь из камня» [7]. Можно высказать предположение, что генетическая градостроительная цепочка была устойчивей, пока стили менялись, но материалы, из которых строились города, оставались

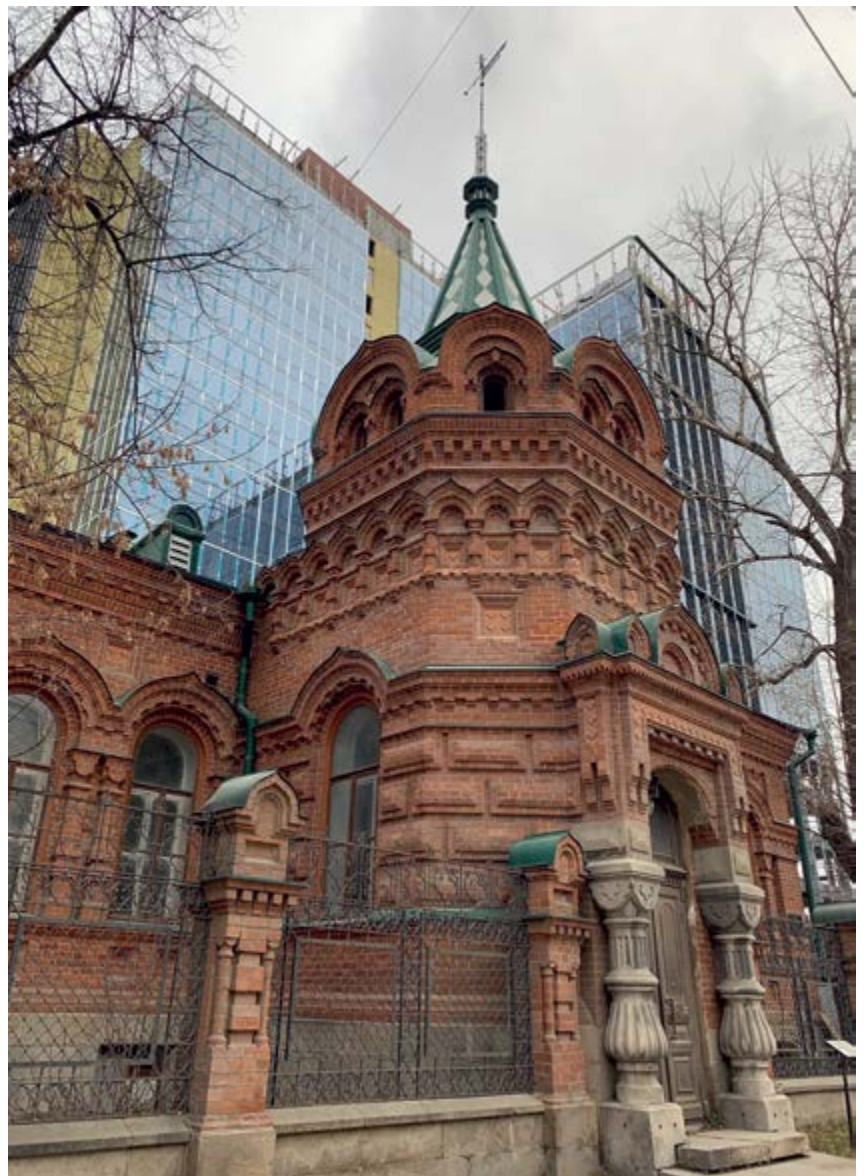
природными. Даже конструктивистские постройки, как они ни старались прикидываться стеклянно-бетонными, были сложены из кирпича и имели каменные цоколи. А потому со временем «вросли» в ткань «каменного» города.

Сегодняшняя архитектура принципиально не каменная и не деревянная. Легкие гомогенные литые материалы хороши и удобны, но они искусственные и воспринимаются как аморфные и холодные, а любой камень уникален, и время его жизни исчисляется миллиардами лет. Камни, из которых построены города, помнят руки людей предшествующих поколений. Каменные колонны и отесанные блоки веками кочевали из одной постройки в другую. Тому, кто правильно спрашивает, они многое могут рассказать. Камни разбрасывали и собирали вновь.

Развалины древних городов притягивают. Они подобны древним кладбищам с памятниками, на которых едва видны надписи. Есть в разбросанных камнях мертвых городов нечто такое, за что люди сражаются и умирают.

в Рис. 6.
Усадьба А. А. Железнова,
Екатеринбург.
Арх. Ю. О. Дютель.
1892–1895.
Рядом современные
высотные здания

< Рис. 7. Малага, Испания.
Собор и новая застройка



> Рис. 8. Дом в разрезе.
Рис. С. Эйзенштейна. 1913



О бесконечно меняющихся городах, построенных из легких синтетических материалов, мечтали фантасты начала XX века. Их фантазии реализовались в начале XXI века.

Новые каркасно-стеклянные дома и легкие конструкции общественных зданий из гомогенных материалов изменили не только облик городов, но и нормы поведения людей [8, с. 148]. Эту тенденцию заметил еще в 1920-х годах Сергей Эйзенштейн, когда города еще были каменными и деревянными, а архитектура предшествующих поколений жила полноценной жизнью.

В 1930-е годы в Голливуде он задумал снять фильм «Стекланный дом» – антиутопию с действием, развивающимся на этажах с прозрачными стенами и полом. Ничего хорошего из затеи со стекланным домом не получилось. Главный герой – поэт кончает жизнь самоубийством, кое-кто из жильцов сходит с ума [9]. Этот фильм мыслился как ответ на появление модных стеклянных сооружений немецких архитекторов Бруно Таута и Людвиг Миса ван дер Роэ. Бруно Таут считал, что стеклянные здания изменят визуальное восприятие людей и тем самым установят особые отношения между человечеством и Вселенной. Мир прозрачных сооружений поможет в создании открытых отношений и разрушит различия между общественным и частным» [10].

Эйзенштейном была очень точно подмечена нарождающаяся тенденция десакрализации сексуальных отношений и разрыва человеческих связей. Плотность городского населения и прозрачность архитектуры эту тенденцию сегодня усилили.

«Стекланный дом» по сценарию Эйзенштейна можно было бы снять и на основе современного материала. Действие могло бы разворачиваться в высотном стеклянном доме-человейнике.

Художественная литература, поэзия и кинематограф всегда четко фиксировали настроения людей и влияние на общество архитектурного окружения. Лет сорок назад культовыми книгами были депрессивные романы Селинджера и Бёлла, пророческая фантастика братьев Стругацких. Сегодня читают книжки-однодневки типа фантастического романа Ив Престон «Потерянные поколения» [11] о мире, утратившем свое прошлое. О войне,

которая то ли началась, то ли не началась, но уже затронула жизнь каждого. О городе, в котором невозможно уединиться, о бесконечной детской эпидемии, с которой не могут справиться. Появление романа симптоматично. Современные театральные спектакли, шокирующие зрителя, тоже об этом – о потерянном мире, об идиотизме жизни в «умном» прозрачном городе. На самом деле ни читать, ни смотреть подобные произведения не хочется. Катарсиса они не вызывают.

Так что же делать, чтобы окончательно не «порвалась связь времен»? Без уважения к истории своего рода, города, страны с этой задачей не справиться. Без уважения к архитектуре прошлого тоже ничего не выйдет. А для начала стоило бы убрать латиницу с городских вывесок и перестать мечтать, чтобы «в России было как в Европе». В России должно быть как в России, с уникальной архитектурой, историей, национальным характером.

Литература:

1. Шекспир, У. Гамлет, принц датский. – URL: <https://rustih.ru/shekspir-gamlet/> (дата обращения: 21.01.2021)
2. Не дай вам Бог жить в эпоху перемен. – URL: <https://ipmisa.livejournal.com/271538.html> (дата обращения: 20.01.2021)
3. Гутнов, А. Э. Лежава, И. Г. Будущее города. – Москва : Стройиздат, 1977. – 128 с. : ил.
4. Зитте, К. Художественные основы градостроительства (пер. с нем. Я. А. Крастиньша). – Москва : Стройиздат, 1993. – 255 с. : ил.
5. Бенуа, А. Н. Живопись, воспоминания, размышления. – Гл. 23. Моя собственная особа. – URL: http://benua.su/b1_p1_g23_4 (дата обращения: 20.01.2021)
6. Завадовский, П. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // – Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 112–119
7. Иосиф Бродский. Архитектура. – URL: <https://www.culture.ru/poems/30620/arkhitektura> (дата обращения: 19.01.2021)
8. Багина, Е. Стекланная революция и странники виртуального мира // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 148–153
9. Клейман, Н. Неосуществленные замыслы Сергея Эйзенштейна. – URL: <http://www.screenwriter.ru/cinema/62/> (дата обращения: 21.01.2021)
10. Колина, Л. Берлин и стеклянные замки Сергея Эйзенштейна. – URL: <http://berlinetz.org/zhzl/73-berlin-i-steklyannye-zamki-sergeya-eizenshteyna.html> (дата обращения: 21.01.2021)
11. Престон, И. Потерянные поколения – URL: <https://www.livelib.ru/book/1001478049-poteryannye-pokoleniya-iv-preston> (дата обращения 18.01.2021)

References

- Bagina, E. (2015). Glass revolution and wanderers in the virtual world. *Project Baikal*, 12(46), 148–153. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.968>
- Benua, A. N. (n.d.). *Zhivopis, vospominaniya, razmyshleniya* [Paintings, memoirs, reflections]. Retrieved January 20, 2021, from http://benua.su/b1_p1_g23_4
- Brodsky, J. (n.d.). *Arkhitektura* [Architecture]. <https://www.culture.ru/poems/30620/arkhitektura>
- Gutnov, A. E., & Lezhava, I. G. (1977). *Budushchee goroda* [The future of the city]. Moscow: Stroizdat.
- Kleiman, N. (n.d.). *Neosushchestvlennye zamysly Sergeya Eizenshteina* [Unrealized ideas of Sergey Eisenstein]. <http://www.screenwriter.ru/cinema/62/>
- Kolina, L. (2013, January, 27). *Berlin i steklyannye zamki Sergeya Eizenshteina* [Berlin and glass castles of Sergey Eisenstein]. [Berlinetz. http://berlinetz.org/zhzl/73-berlin-i-steklyannye-zamki-sergeya-eizenshteyna.html](http://berlinetz.org/zhzl/73-berlin-i-steklyannye-zamki-sergeya-eizenshteyna.html)
- Ne dai vam Bog zhit v epokhu peremen [May you live in a time of change]. (2020, March 18). *Livejournal*. Retrieved January 20, 2021, from <https://ipmisa.livejournal.com/271538.html>
- Shakespeare, W. (n.d.). *Hamlet, prints datskii* [Hamlet, Prince of Denmark]. [Rustih. https://rustih.ru/shekspir-gamlet/](https://rustih.ru/shekspir-gamlet/)
- Sitte, C. (1993). *Khudozhesvennyye osnovy gradostroitelstva* [Artistic foundations of urban planning] (Ya. A. Krastinsh, Trans.). Moscow: Stroizdat.
- Zavadovsky, P. (2019). *Ivan Leonidov and the "Narkomtyazhprom" Style*. *Project Baikal*, 16(62), 112–119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1544>